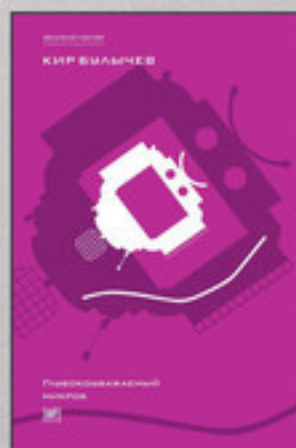

Кир Булычев

Перпендикулярный мир

*Часть сборника
Глубокоуважаемый микроб
(сборник)*

Гусляр

Кир Булычев

Перпендикулярный мир

«WebKniga»

1989

Булычев К.

Перпендикулярный мир / К. Булычев — «WebKniga»,
1989 — (Гусляр)

ISBN 978-5-9691-0643-7

«За десять минут до старта к народу вышел старик Ложкин. Он был в длинных черных трусах и выцветшей розовой футболке с надписью «ЦДКА». В раскинутых руках Ложкин держал плакат с маршрутом. Маршрут меняли каждый день, чтобы было интересно бежать...»

ISBN 978-5-9691-0643-7

© Булычев К., 1989

© WebKniga, 1989

Кир Булычев

Перпендикулярный мир

За десять минут до старта к народу вышел старик Ложкин.

Он был в длинных черных трусах и выцветшей розовой футболке с надписью «ЦДКА». В раскинутых руках Ложкин держал плакат с маршрутом. Маршрут меняли каждый день, чтобы было интересно бежать.

Участники пробега сгрудились, разглядывая сегодняшнюю задачу.

Бежать следовало в гору, до парка. Затем – по аллее до статуи девушки с веслом, вокруг летней эстрады, к строительной площадке нового цеха пластиковых игрушек, потом площадью Землепроходцев до пруда-бассейна за церковью Параскевы Пятницы. Финиш – перед городским музеем.

Без пяти восемь грянул духовой оркестр.

Оркестр стоял у самой реки, в начищенных трубах отражались зайчики от утренней ряби. С воды поднялись испуганные утки и понеслись к дальнему берегу.

Две пенсионерки, которые бегать не могли, но хотели участвовать, держали натянутой красную ленточку. Ложкин свернул плакат в трубку, передал его одной из старушек, а сам, приняв у нее мегафон, занял место во главе забега. В задачу Ложкина входил краеведческий комментарий о памятниках архитектуры и истории, которые встретятся на пути.

Отдаленно пробили куранты на пожарной каланче. Старушки опустили ленту, и толпа разноцветно и различно одетых бегунов двинулась в гору, к вековым липам городского парка.

Николай Белосельский бежал рядом с Удаловым. Бежал он легко, не скрывая счастливой улыбки. Ежедневные забеги здоровья перед началом трудового дня были его инициативой, и за последние два года он старался ни одного не пропустить.

Жилистый старик Ложкин не отставал. На бегу он обернулся и крикнул в мегафон:

– Оглянитесь назад! Полюбуйтесь, как мирно несет свои прозрачные, очищенные от промышленных отходов воды наша любимая река Гусь. Даже отсюда видно, как резвятся в ней осетры и лещи!

Удалов послушно оглянулся. Осетров и лещей он не увидел, но подумал, что надо будет в субботу съездить на рыбалку на озеро Копенгаген. Позвать, что ли, Белосельского? Пора ему отдохнуть. Третий год без отпуска. По самой середине реки весело плыли три дельфина. Дельфины были приписаны к спасательной станции, но работы у них было мало – к этой весне в Великом Гусяре обучили плаванию последних упрямцев.

Рядом с Белосельским бежала директорша музыкальной школы. Разговорчивая хохотушка Зина Сочкина. Удалов знал, что она опять доказывает предгору необходимость создания класса арф в ее учебном заведении. Но с арфами трудно, даже в области они дефицит.

Бегуны растянулись по крутой тропинке. Оркестр заметно отстал. Только флейты держались в основной группе. Среди отставших оказался и профессор Минц, человек грузный и к физкультуре непривычный. Но упрямый. Он уже три недели бился над проблемой гравитации. И хоть утверждал, что гравитация нужна любимому городу в строительстве, Удалов подозревал, что действительная причина – желание с помощью такого изобретения прославиться в утренних забегах.

Удалова оттолкнул редактор городской газеты Малюжкин. Его небольшое квадратное тело несло громадную львиную голову. В двух шагах сзади бежал, сверкая очками, Миша Стендаль, корреспондент той же газеты. У Миши был редакторский портфель.

Малюжкин втиснулся между Белосельским и директоршей Зиной.

– Будем писать передовую? – строго спросил он.

Белосельский вздрогнул. Как и все в городе, он боялся Малюжкина, неукротимого борца за гласность, правду и демократию. Это «Гусярское знамя», возглавляемое Малюжкиным, разоблачило коррупцию на городском рынке, добилось регулярной подачи горячей воды в баню № 1, свалило презиравшего экологию директора фабрики игрушек, поддержало по крайней мере шесть смелых инициатив и раскрыло несколько случаев очковтирательства, включая приписки на звероферме. В последнем случае досталось, и за дело, самому профессору Минцу. Это он вывел для зверофермы новую породу черно-бурых лис с двумя хвостами, но не удосужился отразить в печати свое изобретение. А Пупыкин, который после снятия с должности предгора работал директором зверофермы, каждую лису сдавал государству за две, отчего перевыполнил все планы, получил множество премий и еще приторговывал хвостами на стороне. Борец за правду, Малюжкин опирался на широкие круги разбуженной общественности, а общественность опиралась на Малюжкина. Белосельский как исполнительная власть в городе от Малюжкина нередко страдал.

– Передовую писать не буду, – откликнулся Белосельский, переходя на спринтерскую скорость.

Он нарушил маршрут и свернул на узкие дорожки биологического городка, где были воспроизведены для детишек ландшафты планеты. Заверещали макаки, разинул пасть крокодил. Белосельский обогнул баобаб и полагал, что он в безопасности, но тут ему дорогу перекрыли три мамонта, выведенные методом ретрогенетики и сбежавшие по недосмотру зоотехника Левочки из пригородного хозяйства. Белосельский затормозил, Малюжкин настиг его и приставил диктофон к лицу Белосельского. Предгор был готов сдаться на милость прессы, но, к счастью, одна из макак выхватила магнитофон у Малюжкина.

Белосельский нагнал Удалова на главной аллее, у статуи девушки с веслом.

– Трудно? – спросил Корнелий Иванович.

– Нелегко, – согласился Белосельский. – Но трудности нас закаляют. Сделаем рывок до музея? На время?

«И не подумаешь, что в одном классе учились, – вздохнул Удалов. – На вид он лет на десять моложе. Вот что значит активная жизнь и умеренность во всем».

– На рыбалку в субботу поедem? – спросил Удалов, стараясь не сбить дыхание.

– В субботу? В субботу у меня жюри. Конкурс детских танцев. Потом будем на общественных началах палаты купца Демушкина реставрировать. Давай в эту субботу вместе пореставрируем, а на рыбалку через неделю?

Удалов не ответил, потому что перед ним затормозил Ложкин и начал кричать в мегафон:

– Дорогие товарищи бегающие! Вы видите бывший пруд у памятника шестнадцатого века церкви Параскевы Пятницы. Этот пруд стараниями общественности и учащихся речного техникума превращен в лучший в области открытый бассейн. На нем установлена девятиметровая вышка. Желающие прервать забег могут нырнуть с вышки.

Белосельский сразу побежал на вышку прыгать. А Удалов вспомнил, что у него в девять совещание в стройконторе, которой он руководил. А он еще не завтракал.

Удалов повернул на Цветочную, чтобы срезать квартал у рынка. К рынку тянулись подводы и автомашины – окрестные жители везли продукты и цветы на продажу.

Вот и Пушкинская. Скоро дом.

Хлопнула калитка. Из палисадника выскочил бывший предгор и завзверофермой Пупыкин. Был он в тренировочном костюме фирмы «Адидас», который некогда привез из командировки в Швейцарию. Он догнал Удалова и спросил:

– Белосельский участвовал?

– И Малюжкин тоже, – ответил Удалов, прибавляя ходу.

Пупыкина он не выносил – пустой человек, мелкий склочник и нечист на руку. Правильно сделали, что отправили его на пенсию.

– Скажешь Белосельскому, что я тоже участвовал, – сказал Пупыкин. – Я тренируюсь по индивидуальной программе.

Произнеся эти лживые слова, Пупыкин взмахнул руками, как крыльями, сделал разворот и потрусил обратно к дому.

«Всегда у него так, – подумал Удалов. – Даже в добровольном кроссе втирает очки».

Удалов перешел на шаг. Надо привести в норму дыхание.

Солнце поднялось высоко, припекало. От быстрорастущих кедров, которыми была засажена Пушкинская, на розовые и голубые плитки мостовой падала рваная тень. Белка соскочила с нижней ветки и перебежала улицу. Удалов наклонился над фонтанчиком, который предлагал прохожему газированную воду, и напился.

Римма Казачкина, непутевая пышногрудая девица из соседнего дома, по слухам, новая пассия архитектора Оболенского, проходя мимо, умудрилась задеть Удалова крутым бедром. Удалов сделал вид, что не заметил намека. Появился профессор Минц.

Минц устал, лысина блестела от пота. Он сопел и кашлял.

– Каждый забег, – сообщил он Удалову, – прибавляет мне день жизни. Я теряю четыреста граммов.

– Это пустое, Лев Христофорович, – возразил Удалов, входя вместе с профессором во двор дома шестнадцать. – За первым же обедом вы прибавляете полкило.

Минц насупился. Никто не любит горькой правды.

Ксения Удалова высунулась из окна второго этажа и крикнула:

– Два раза из конторы звонили. Каша тоже остыла.

Удалов взбежал по лестнице, легко перепрыгивая через две ступеньки.

– Ну как козел, – сказала Ксения, открывая дверь. – Для кого молодиться?

– А ты займись, – предложил Удалов, проходя в ванную. – Тоже помолодеешь.

– Нам это не надо, – возразила Ксения.

Она ценила свое тело, круглое, налитое, солидное.

– Максимка в техникуме? – спросил Удалов.

– Ты бы ему велел патлы остричь. Люди на улицах показывают пальцами.

– Перебесится, – ответил Удалов. – Ты тоже в мини-юбке ходила.

Снизу негромко застучало – значит, сосед Грубин включил вечный двигатель. Он у него по ночам отдыхал. Под окном гуднула машина, что развозила по квартирам молоко и сметану. Ксения брякнула на стол тарелку с кашей и побежала вниз. Начинался трудовой день в городе Великий Гусляр.

Удалов и Минц вместе пошли на совещание к Белосельскому.

Минц достал платок и высморкался.

– Боюсь, – сказал он, – что я сегодня простудился. Не надо было мне прыгать с вышки.

Площадь перед Гордомом была запружена народом. Ближе всех к дверям стояли пенсионеры. Тесной, крепкой толпой. Две бабушки, которых Удалов видел утром, развернули длинный плакат: «Спасем родной Гусляр от варварства!». Старик Ложкин уже в черном костюме, но с тем же мегафоном медленно шел вдоль лозунга и проверял, нет ли грамматических ошибок.

Студенты речного техникума плакатов не принесли. Им достаточно было портретов архитектора Оболенского. Портреты были увеличены из паспортных фотографий, к ним были пририсованы усы, а сорочка с галстуком замарана зеленым, так что получился френч. Фотографии покачивались на палках, и при виде этого зрелища Удалов перенесся мыслями

назад, в годы своего детства, когда первомайская демонстрация в Гусляре текла к трибуне на центральной площади, а над ней покачивались портреты вождя.

Удалов подумал, что студенты зашли слишком далеко. О чем и сказал профессору Минцу, который тоже шел на совещание в горисполком.

– Мы с вами люди старшего поколения, – ответил профессор. – Чувство юмора мы склонны рассматривать как чью-то провокацию.

– Это уже не юмор, – откликнулся старик Ложкин. – Это недопустимый сарказм. Я думаю, что нам придется размежеваться с молодежью.

– Сейчас? – удивился Минц.

– Нет. Как только победим бездушных бюрократов!

Удалову стало стыдно под горящим савонароловским взглядом Ложкина. Но тут на площадь влетели рокеры на ревущих мотоциклах. Они тоже были одержимы гражданским чувством. Они носились вокруг толпы и выкрикивали нечто революционное. Сержант Пилипенко, который должен был следить за порядком, побежал к ним, размахивая жезлом, но рокеры умело уклонялись от его увещаний.

В стороне от входа, без лозунгов и плакатов, но настроенная решительно, стояла интеллигенция – общество охраны памятников, общество любителей книги, общество защиты животных, общество защиты детей... Их Удалов всех знал, ходил в гости. Но сейчас чувствовал отчуждение.

«Нет, – хотелось крикнуть ему, – нет! Я всей душой с вами! Я желаю охранять и множить памятники древности! Но я вынужден выполнять приказы вышестоящего начальства, я должен экономить народные деньги и продвигать наш город по пути прогресса. В нашем городе за годы Советской власти уже снесли семнадцать церквей и сто других памятников, зато почти решили жилищную проблему».

Тут Удалов оборвал этот внутренний монолог, потому что понял, что монолог этот принадлежит не ему: это буквальное воспроизведение речи начстра Слабенко на последнем совещании.

А вот и Пупыкин! Он что здесь делает?

Пупыкин стоял в сторонке, с ним его семья – Марфа Варфоломеевна и двое детей. Все в зеленом, даже лица зеленые. Дети держат вдвоем портрет неприятного мужчины в папаше.

Пупыкин нервно схватил Удалова за рукав и спросил шепотом:

– Ты ему сказал, что я участвовал в забеге?

– Скажу, – пообещал Удалов. – А ты что, покрасился?

– Мы всей семьей, – сообщил Пупыкин, – организовали неформальное объединение: партию зеленых. Мы охраняем природу.

– Похвально, – сказал Минц. – А чей это портрет? Что-то не припомню такого эколога.

– Это самый главный зеленый, – сообщил Пупыкин. – Мы его в книжке нашли. Атаман Махно.

– Пупыкин, советую, спрячь портрет. Этот зеленый экологией не занимался, – сказал Удалов.

– А чем занимался? – спросил Пупыкин.

– Совершал ошибки.

К тому времени, когда Удалов вошел в дом, Пупыкины успели растоптать портрет.

Минц с Удаловым поднялись по неширокой лестнице в кабинет Белосельского. Дверь была настежь. У Белосельского всегда так – дверь настежь.

Внутри уже действовал главный архитектор города, подтянутый, благородный Елисей Оболенский. С помощью юной архитекторши он приклеивал к стене виды проспекта Прогресса.

Редактор Малюжкин стоял в отдалении, смотрел на перспективы в бинокль. Миша Стендаль записывал что-то в блокнот.

Начстрой Слабенко уже сел и крепко положил локти на стол. Он был готов к бою.

Музейная дама Финифлюкина смотрела ему в спину пронзительным взглядом, но пронзить его не могла.

– Начнем? – спросил Белосельский.

Начали рассказывать. Разговаривали, кто-то даже пошутил. Происходило это от волнения. Предстояла борьба.

«Живем в обстановке гласности, – подумал Удалов. – Вроде бы научились демократии, пожинаем плоды. А силы прошлого не сдаются».

Сила прошлого в лице главного архитектора Оболенского получила слово, взяла в руку указку из самшита и подошла к стене.

Оболенский любил и умел выступать. Но сначала спросил:

– Может, закроем окна? Мы ведь работать пришли, а не с общественностью спорить.

– Ничего, – ответил Белосельский. – Нам не впервой. Чего нам народа бояться?

Часть толпы роилась за окнами. Шмелями жужжали винты, прикрепленные к наспинным ранцам. Эти летательные аппаратики, что продавались в спортивном отделе универсама под названием «Дружок Карлсон», были изобретены Минцем по просьбе туристов для преодоления водных преград и оврагов. Были они слабенькие, но, как оказалось, полюбились народу. И не все использовали их в туристических целях. Некоторые школьники забивались с их помощью во фруктовые сады, некий Иваницкий выследил свою жену в объятиях Ландруса на третьем этаже, были и другие нарушения. Удалов с грустью подумал: насколько гениален его сосед по дому Лев Христофорович! Все подвластно ему – и химия, и физика. Но последствия его блестящих изобретений, как назло, непредсказуемы. Только вчера птеродактиль, выведенный методом ретрогенетики из петуха, искусал липкинского доберман-пинчера, который своим лаем мешал птеродактилю отдыхать на ветвях кедра. Хорошо еще, что не самого Липкина. А взять скоростные яблони – шестнадцать урожаев собрали прошлым летом в пригородном хозяйстве. В результате лопнула овощная база, не справившись с нагрузками. Нет, за Минцем нужен глаз да глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.